

подателем в своей жизни, подлинной «мерой всех вещей». Шестов осознает, что осуществить на земле этот идеал свободы от истины и добра невозможно. Но предвидеть окончательную свободу человеку дано. И именно такое предвидение является самым надежным защитником человеческой свободы. Только такая вера-предвидение, по мнению Шестова, «дает человеку мужество и силы, чтобы смотреть в глаза смерти и безумию и не склоняться перед ними».

Можно сделать вывод, что в конечном счете, осуществляя критический анализ познавательных возможностей разума и веры, Шестов исходит из того, что первый ведет человека к необходимости, а вторая – к свободе. Именно вера, по Шестову, зовет все на свой суд. Отдавая предпочтение Иерусалиму перед Афинами, Шестов считает, что только на этом пути возможно рассмотреть человека в единстве его проявлений, постичь всю противоречивость и трагизм его бытия, бытия, в котором господствуют не только умопостигаемая необходимость, но и случайность, возможность, хаос.

УДК 165.1

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РАССУДКА И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ С.Н.БУЛГАКОВА И В.Ф.ЭРНА

В.С. Возняк
Дрогобыч, Украина

Различение и противопоставление рассудка и разума (под различными «именами») является сквозной темой различных философских учений, школ, направлений. Не обошла этой темы и русская религиозная философия.

Уже при общей характеристике русской философии мы обнаруживаем присутствие вышеупомянутых категорий. А.Ф.Лосев отмечает некую до-логическую, до-систематическую, а лучше сказать – сверх-логическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений в русской рефлексивной мысли. «Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путём, что истина есть лишь суждение. И никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому, поколебать того дорационального убеждения русских, что постижение сущего даётся лишь целью жизни духа, лишь полноте жизни» [5, с. 71].

«Различая и противопоставляя разум и рассудок, – пишет С.Н.Булгаков, – я вижу в них разные употребления мыслительной силы, присущего нам космического логоса» [1, с. 23]. Рассудок рассматривает мир как самозамкнутый механизм, всецело подчинённый закону причинности; он не знает живого, и самого человека представляет по образу вещи. В жизни же осуществляется нераздельное единство воли, чувства и разума, поэтому она никогда не может быть исчерпана рассудочным сознанием. Рассудок в форме научного познания выпытывает у природы секреты, полезные для жизни, но *тайны* самой природы, её софийность – остаются за пределами рассудочно ориентированного отношения. Действительность, как мы её знаем, допускает, «терпит» рассудочные категории, но её сверхрассудочная, иррациональная основа глубже, таинственней, богаче. Жизнь есть единство логического и алогичного. Разум мыслит

в понятиях, но он знает не глубину действительности (которая, по С.Н.Булгакову, доступна опыту религиозному), а только её грани. Невыразимым и «недомыслимым» сущностям разум может дать только символическое выражение в понятиях, и никогда не должен забывать об этом символизме. Метафизика разума, в отличие от рассудка, не уничтожает и не обходит опасных препятствий, алогичных областей, а пытается символизировать их. Разум стремится дать философию жизни. Размежевание компетенций рассудка и разума, как полагает С.Н.Булгаков, есть дело разума: «разум должен очертить область рассудка, обосновать возможность рассудочного научно-опытного знания» [1, с. 28].

Иными словами, *рассудок* сам себя ограничить не в состоянии, он не знает *своей меры* и знать не может: в этом его потрясающая сила, – как замечал Гегель, «изумительнейшая, величайшая, или лучше сказать, абсолютная мощь» [4, с.17], но именно в этом и его весьма опасная ограниченность. Удерживать рассудок в разумных (т.е. необходимых и достаточных для рассудочной деятельности) пределах – задача именно разума. Эта мысль идёт от Канта, восходит к Гегелю и находит свое выражение и в русской философии.

Предмет и задания веры и рассудка совершенно разные: «Вера свободна от забав рассудочности (не хочу сказать: разума, ибо она есть выражение высшей разумности), рассудок относится с презрением к вере, в лучшем случае игнорирует и не понимает веры» [2, с. 28]. В то же самое время вера не ограничивает разум, который и сам должен знать свои пределы.

Разум, ограничивая рассудок, обладает способностью к самоограничению. Ничто не должно и не может извне ставить пределы разуму. Разум был бы весьма неразумным, пытаясь покрыть собой всё сущее (которое, как говорил Шеллинг, не делится на разум без остатка) или заместить иные измерения человеческой субъектности, – сие есть прерогатива почтенного рассудка. Однако разум не есть нечто уже готовое в нас, из чего можно было бы исходить или на что можно было бы опираться. Из рассудка – исходят; к разуму – восходят. Хорошо об этом сказано у В.Ф.Эрна.

Проблема соотношения рассудка и разума в философии В.Ф.Эрна интерпретируется в категориях «*ratio*» и «Логос» в их предельном противопоставлении. Будучи сам по себе недвижим, лишённым внутренней жизни, не совпадающей с действительной сущностью жизни, *ratio* ведёт лишь *призрачную* жизнь. *Ratio* есть результат схематического отвлечения: рассудок Ивана, Якова, Петра берётся в *среднем* разрезе, берётся то, что *всем* присуще, избегая индивидуальных отклонений, и мы получаем безличную, отвлечённую, мертвую схему. К осознанию *Логоса* приходят совершенно иным путём. «Логос – это не средний разрез, это – *вершина* сознания. Это не отвлечение, а восхождение по ступеням всё большей конкретности. Это – не начало, в безразличии которого топнут все многообразия *личности*, это живая стихия, в которой личность раскрывается и углубляется» [6, с.78].

Восхождение к Логосу, таким образом, есть путь совершенствования разума, преодоления рассудочной усреднённости и ограниченности, способ собирания себя в высшее единство. Разум (как Логос) – не «обобщает», а индивидуализирует, – но не по атомарному принципу, а скорее – по монадному: ведь *монада* является уникальным универсумом, уникализированным универсумом; она не противостоит действительно всеобщему бытию как конкретному, а представляет собой его неповторимое целостное воплощение. Получается, что разум в противовес рассудку необходимо связан с *личностным* самоустройством. Такой персоналистский разворот темы демонстрирует принципиальное отличие

понимания содержания проблемы рассудка и разума в русской философии в отличие от, скажем, традиций немецкой классики.

В.Ф.Эрн подмечает ещё одну особенность рассудка: рассудок есть не просто дискурсивно-логическое в мысли: *ratio* является принципиальным *отрывом* этого дискурсивно-логического от целостного разума, что открывает в этом разуме бездну для «меонических мифов». Вот где *differentia specifica* рассудка как такового: разрывать целостность познаваемой реальности, расщеплять целостность личностного самобытия человека, – вообще, работать, так сказать, «в отрыве».

Согласно авторской концепции рассудка и разума [См.: 3] рассудок предстаёт как способность человека осуществлять деятельность, абстрагируясь от культурно-исторического, смыслового измерения реальности и абстрагируясь от собственной общественно-человеческой сущности. Такая способность в определённых (разумом) дозах является незаменимой; однако экспансия рассудка в запретные для него сферы чревата глубинной эрозией экзистенциального мира.

Разум же имманентно связан с целостностью человеческого бытия в топосе личностного самоосуществления. *Разумность* вообще можно определить как универсальную *меру человеческого*, коррелятивную глубинным мерам универсального бытия. Полное отождествление этих двух мер – неразумно, равно как и жесткое противопоставление их, поскольку в первом случае мы получим самопадеющий рационализм, а во втором – весьма грустный иррационализм. Рассудок принципиально *своемерен*, будучи нечувствительным к содержательности как собственной деятельности, так и реальности, с которой он имеет дело. А *своемерие* никогда не способно знать *собственную меру*, меру своей применимости и вообще – уместности. Поэтому *разум* никогда не бывает лишним, его никогда не может быть в избытке, – зато рассудком всё заполнено, захвачено, испорчено, выхолощено (что есть следствие экспансии западноевропейского типа *цивилизации*). Подлинного разума нам как раз-то и не хватает. Особенно – сегодня.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Природа в философии Вл. Соловьёва // Соч.: В 2-х тт.-Т.1. – М.: Наука, 1993.– С.17–46.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
3. Возняк В.С. Метафизика рассудка и разума. – К.: Ред. Журнала «Самватас», 1994. – 340 с.
4. Гегель Г.В. Феноменология духа // Соч.–Т.IV.–М.: Соцэкгиз, 1959. – 440 с.
5. Лосев А.Ф. Русская философия // Страсть к диалектике. – М.: Мысль, 1988.– С. 70–94.
6. Эрн В.Ф. Борьба за Логос // Соч. – М.: Правда, 1991. – С.11–296.